

А.С. БАЙЕТТ

Романтический
роман

Издательство «Азбука»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Б 18

A. S. Byatt
POSSESSION
Copyright © 1990 by A. S. Byatt
All rights reserved

Перевод с английского
Виктора Ланчикова, Дмитрия Псурцева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Байетт А. С.

Б 18 Обладать : Романтический роман / А. С. Байетт ; пер. с англ. В. Ланчикова, Д. Псурцева. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 640 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-31873-1

«Обладать» — один из лучших английских романов конца XX века и, несомненно, лучшее произведение Антонии Сьюзен Байетт. Впрочем, слово «роман» можно применить к этой удивительной прозе весьма условно. Что же такое перед нами? Детективный роман идей? Женский готический роман в современном исполнении? Рыцарский роман на новый лад? Всё вместе — и нечто большее, глубоко современная вещь, вобравшая многие традиции и одновременно отмеченная печатью подлинного вдохновения и новаторства. В ней разными гранями переливается тайна английского духа и английского величия.

Но прежде всего, эта книга о живых людях (пусть некоторые из них давно умерли), образы которых наваждением сходят к читателю; о любви, мятежной и неистовой страсти, побеждающей время и смерть; об устремлениях духа и плоти, земных и возвышенных, явных и потаённых; и о божественном Плана, который проглядывает в трагических и комических узорах судьбы человеческой... По зеркальному лабиринту сюжета персонажи этого причудливого повествования пробираются в таинственное прошлое: обитатели эпохи людей — в эпоху героев, а обитатели эпохи героев — в эпоху богов. Две стихии царят на этих страницах — стихия ума, блеска мысли, почти чувственного, и стихия тонкого эротизма, рождающегося от соприкосновения грубой материи жизни с нежными тканями фантазии.

«Обладать» занимает уникальное место в истории современной литературы и, при своём глубоком национальном своеобразии, принадлежит всему миру. Теперь, через несколько десятилетий после выхода шедевра Байетт, кажется мало Букеровской премии, присуждённой в 1990 году. Как, может быть, мало и ордена Британской империи, вручённого автору чуть позднее...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© В. К. Ланчиков, Д. В. Псурцев, перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31873-1

Пожалуй, самое важное, что можно сказать о моих книгах, это что приключения интеллекта играют в них не меньшую роль, чем наблюдения за обществом и отношениями между людьми. Меня восхищает — и возбуждает — любое интеллектуальное любопытство (естественнонаучное, языковое, психологическое), а также литература как сложная, огромная, взаимосвязанная система. Сочинительство и теоретические рассуждения для меня суть проявления страсти, как и любая другая человеческая деятельность.

A. C. Байетт

Леди Антония — один из величайших британских литераторов; поставить рядом с ней практически некого.

Atlanta Journal-Constitution

Наш лучший писатель.

Evening Standard

Байетт препарирует своих персонажей решительной рукой, но бережно: как добрый хирург — скальпелем.

Тони Моррисон
(лауреат Нобелевской премии по литературе)

Академическая дама, специалист по английской филологии, сдержанная феминистка, страстная охотница до чтения, «королева и святая покровительница всех книжных червей», Антония Байетт опубликовала в 1990-м роман «Обладать». Тот свиньей вклинился в и без того неслабую букеровскую шестёрку и забрал премию так, что никто не пикнул; сразу сделался бестселлером по обеим сторонам Атлантики. Это прямо-таки роман-роман: при формировании хоть сколько-нибудь представительной библиотеки всемирной литературы он должен присутствовать там безоговорочно.

«Обладать» — серия страстных вторжений в частную собственность, во всех смыслах. Из одних складывается почти детективная линия (ближе к концу роман местами смахивает даже и на триллер); из других — чувства, собственно «романтический роман», поэма о рыцаре и его возлюбленной. Роман весь состоит из композиционных и сюжетных фокусов; чуть ли не все детали и эпизоды здесь разыгрываются по несколько раз, на разных сюжетных уровнях; разгадывать эти загадки — счастье читателя.

Разумеется, «Обладать» — обязательное чтение для всех людей, имеющих хоть какое-то отношение к английской филологии. Совсем не разумеется, но это так — отдельных аплодисментов заслужили переводчики.

Лев Данилкин (Афиша)

Антония Байетт — английская достопримечательность, как Тэтчер, Тауэр и файв-о-клок. Центральным из ее романов считается как раз этот, принёсший леди Антонии Букеровскую премию и в конечном счете орден Британской империи. И это справедливо: мало кому и мало где удавалось соорудить захватывающий детектив из филологических штудий, мало кто умеет так замаскировать под детектив любовный роман.

Через обладание текстом, намекает Байетт, мы стремимся обладать человеком, который стоит за ним. Но и текст, и человек бесконечно ускользают. Можно быть рядом, сколь угодно близко. Но обладать никогда.

TimeOut

Мастерски сервированный пир для литературных гурманов.

Sunday Times

Подлинный шедевр словесного мастерства и литературного сюжета, ничуть не уступающий классикам — Стендалю или Джойсу.

Los Angeles Times Book Review

Безусловный триумф на всех уровнях.

Cosmopolitan

По богатству идей «Обладать» превосходит все остальные романы за год, вместе взятые.

Spectator

Представление настоящего фокусника, книга поистине на все вкусы: здесь и трогательная любовная история викторианских времён, и безбашенная университетская комедия, и захватывающий мистический детектив.

Washington Post

Эта умопомрачительная феерия пылко и непринуждённо петляет сквозь образный пейзаж, насыщенный символическими соответствиями, мифами и легендами, и призраками прошлого. Одна из главных тем «Обладать» — безмерные радости чтения, и радостей этих Байетт доставляет нам с неистощимой щедростью.

Sunday Times

Взяв у современного триллера стремительность, а у поэзии с беллетристической XIX века — масштабность, Байетт сплетает их воедино страстной романтикой.

The Times

Неопровержимое доказательство того, что серьёзное чтение может быть неудержимо увлекательным.

Time

Этот роман так и лучится — да, гениальностью. «Обладать» требует усилий, но поверьте: это подлинный шедевр.

Daily Mail

Один из лучших наших писателей, умеющих насытить и ум, и душу, снова совершил чудо.

Daily Telegraph

Байетт предлагает читателю величайшее удовольствие, какое можно получить от исторического романа: безупречная достоверность, основанная на дотошных исследованиях и поставленная на службу увлекательному сюжету. С филигранной реалистичностью автор живописует мир, где не доводилось бывать никому из живых...

Village Voice Literary Supplement

Байетт с головой погружает нас в Викторианскую эпоху. Эта фирменная смесь философской серьёзности с модернистской иронией и старомодным

реализмом многим обязана и Джордж Элиот, и Айрис Мёрдок, и даже Генри Джеймсу.

Boston Phoenix Literary Section

На пепле потерь и страданий у Байетт поднимаются живые, энергичные ростки. Эрудиция оттеняется у неё игривостью, ирония — уважением, здоровая чувственность — деликатной заботой.

USA Today

У Байетт герои минувших дней вполне по-современному борются с утратой любви небесной и земной, а порой, если хватит упорства и повезёт, вновь находят её в самых неожиданных местах.

Chicago Tribune

Байетт выстраивает сюжет занимательный, как классический детектив, но в первую очередь читателя поражает запредельное качество письма: живой, чувственный язык, стройная система метафор, естественная игра ума.

Literary Review

В её историях дышит тайна, живёт страсть, пульсирует древняя магия.

Marie Claire

Приключения тела и разума, напоённые энергией и жизненной силой. Для взыскательного читателя — восторг от первой до последней страницы.

Scotsman

Нечасто приходится видеть, чтобы британский писатель осмелился продолжить с того места, на котором остановилась Вирджиния Вулф, и госпожа Байетт — отрадное исключение.

New York Times

Интеллект и кругозор Байетт поражают.

Times Literary Supplement

Здесь, как и во всех лучших книгах Байетт, груз интеллектуальных вопросов кажется почти невесомым благодаря изящно закрученному сюжету и сложным, неоднозначным, бесконечно близким читателю персонажам.

The Baltimore Sun

Настоящий пир для литературных гурманов. Препарируя человеческие страсти и конфликты, Байетт закручивает интригу похлеще любых детективов.

Daily Telegraph

Всепоглощающий, поистине головокружительный читательский опыт.

Washington Post Book World

С характерной щедростью, едкостью и мудростью Байетт пытается ответить ни больше ни меньше как на вопрос: что это вообще значит — быть человеком?

Vogue

Острый критический взгляд и подлинная эмпатия, грандиозный охват и внимание к мельчайшим деталям, эмоциональная прямота и прихотливая интеллектуальная игра...

Miami Herald

Байетт на пике формы. Она, как никто, умеет высветить эпоху до мельчайших деталей. Мастерски используя всё богатство английского языка, она являет нам надежды и сомнения, поражения и победы героев, которые надолго запомнятся читателю.

Denver Post

Блистательно, эпично... подобно удивительному живому гобелену.

Entertainment Weekly

Богатое авторское воображение и неисчерпаемый набор литературных приёмов гарантируют: скучать читателю не придётся.

Philadelphia Inquirer

Захватывающе, прихотливо выстроено, невероятно изобретательно.

Houston Chronicle

Только Байетт способна так непринуждённо разбавить юмором атмосферу мрачного предчувствия, а деконструкцию классических произведений насытить романтикой и ревностью.

Charlotte Observer

Виртуозная демонстрация максимального стилистического диапазона, идеальный писательский слух.

San Jose Mercury News

Развёрнутые описания у Байетт резонируют подлинной поэзией.

The Philadelphia Inquirer

Единоличным, можно сказать, усилием Байетт опять выводит британскую литературу на первые роли.

Dallas Morning News

Литература для Байетт — удовольствие чувственное. Её бунтари, чудачки и монстры абсолютно достоверны. Не книги, а настоящее пиршество.

Town & Country

Книги для тех, кто не боится разгневаться, взволноваться и даже, возможно, обогатиться.

St. Louis Post-Dispatch

Творчество Байетт всегда отличали беспощадный ум и зоркая наблюдательность. Её героев не спутаешь ни с чьими другими.

Orlando Sentinel

Только у Байетт обсуждение сложных философских вопросов может звучать так человечно, тепло и жизненно важно.

Scotsman

Поразительная внимательность к вещам и людям.

London Review of Books

Искусно и изобретательно Байетт режиссирует своим «актёрским составом», каждый персонаж у неё — многогранная, вдумчивая личность.

Los Angeles Times Book Review

Байетт принадлежит к редким сегодня авторам (другой пример — Дон Делилло), для которых мир идей не менее важен, чем мир страстей человеческих... Байетт населяет свои книги думающими людьми.

The New York Times Book Review

Байетт, подобно Эросу, «вдыхает жизнь в застывший, неорганический мир» и побуждает нас влюбляться в язык снова и снова.

The Independent

Байетт — Мэри Поппинс эпохи постмодерна. Чего только нет в её волшебном саквояже! Пёстрые россыпи идей: от Шекспира до Дарвина, от святого Августина до Фрейда и Витгенштейна. Яркие, живые характеры. И конечно, головкружительная смесь тем, загадок и языковых уловок.

Elle

Герои Байетт задают главные вопросы своего времени. Их голоса звучат искренне, порой сбиваясь, порой достигая удивительной красоты.

Entertainment Weekly

Байетт — несравненная рассказчица. Она сама знает, о чём и как говорить, а нам остаётся лишь следить затаив дыхание за хитросплетениями судеб в её романах.

Newsday

Мало кто сравнится с Байетт в мудрой зоркости к жизни.

Hartford Courant

Герои Байетт останутся с вами ещё долго после того, как вы перевернёте последнюю страницу.

New York Times

Читая русских писателей, многое понимаешь о том, что такое роман. Русская классика поразительна, и если читаешь её в юности, кажется, что ты ничего похожего никогда не напишешь. Именно поэтому нельзя её не читать — она открывает иные горизонты. Мне нравятся развёрнутые, сложные предложения, и я питаю самые нежные чувства к словам... Я пишу ради языка и ещё — ради сюжета.

А. С. Байетт

Когда писатель называет своё произведение «романтическим романом», стоит ли пояснять, что тем самым он притязает на некоторую вольность в рассуждении манеры и материала, на какую не смел бы посягать, если бы объявил, что пишет роман реалистический. Сей последний род сочинений, как принято считать, стремится к обстоятельнейшей достоверности в изображении не только что возможных, но и правдоподобных, обыденных событий человеческой жизни. Первый же род, хотя и обязан он, будучи произведением искусства, неукоснительно подчиняться правилам и хотя всякое уклонение от истины в изображении душевного мира для него есть грех непростительный, всё же он в известной степени позволяет представить такую истину в обстоятельствах большей частью выбранных или придуманных сочинителем... Этот роман следует отнести к романтическим на том основании, что здесь делается попытка связать прошедшее с ускользающим от нас настоящим.

*Н. Готори,
из предисловия к роману «Дом о семи фронтонах»*

Но если, истончившись, оболочка
Раздувшегося вымысла нам явит
Реальность под собой — что мы увидим?
Погиб ли прежний мир? Вас окружают
Достойнейшие: доблесть, юность, гений —
Угодно ли? — вот знатность, вот богатство.
Свои законные права к стопам
Слагают вашим, почитают вас
(То бишь меня) товарищем и братом.
Теперь они со Сляком заодно:
Ну прямо скажем, мною одержимы...

Всё может стать. Лишь прилгни чуть-чуть —
Всё сбудется. Выходит, Сляк обманщик?
Но чем, скажите, он поэта хуже,
Поющего о вымышленных греках,
Их подвигах под вымышленной Троей?..
Да что поэзия! Возьмите прозу.
Разносчики-то мудрости житейской
Обходятся ли без сподручной лжи?
Всяк преподносит истины и были,
В них то лишь оставляя, что согласно
С его же мнением, прочее — долой.

Век ящеров, история народов,
Индейцы дикие, война в Европе,
Жером Наполеон — что вам угодно.
И всё — как хочет автор. Вот таким
И деньги, и хвала: они-де в камень
Вдохнули жизнь, зажгли огнём туман,
Былое воскресили в настоящем.
Все ахают: «Как вы сыскали нить,
Что вас вела по этим лабиринтам?»,
«Как вы из воздуха слепили явь?»,
«Как вы на столь мизерном основаньи
Воздвигли жизнеописание, повесть?»,
Иначе говоря: «Из скольких лжей
Величественную сплели вы правду?»

*Роберт Браунинг,
из поэмы «Мистер Сляк, „медцум“»*

ГЛАВА 1

Там, в месте том, — сад, дерево и змей,
Свернувшийся в корнях, плоды златые,
И женщина под сению ветвей,
И травистый простор, и вод журчанье.
Всё это есть от веку. На краю
Былого мира в роще заповедной
У Гесперид мерцали на извечных
Ветвях плоды златые, и дракон
Ладон топорщил самоцветный гребень,
Скрёб когтем землю, щерил клык серебряный,
Дремал, покуда ловкий Геркулес,
Его сразивши, яблок не похитил.

*Рандольф Генри Падуб,
из поэмы «Сад Прозерпины», 1861*

Книга была толстая, в чёрном пыльном переплёте. Крышки переплёта покоробились и поскрипывали. Прежние владельцы обращались с книгой не очень-то бережно. Корешок отсутствовал — вернее, он был, но торчал из книги, зажатый между страницами, как пухлая закладка. Книга была несколько раз перехвачена грязной белой тесьмой, завязанной аккуратным бантиком. Библиотекарь передал книгу Роланду Митчеллу, который дожидался её в читальном зале Лондонской библиотеки. Книгу извлекли на свет божий из тёмных недр сейфа № 5, где она стояла между «Проказами Приапа» и «Любовью в греческом вкусе». Происходило всё это сентябрьским днём 1986 года в десять часов утра. Роланд хорошо видел часы над камином, хотя маленький столик, за которым он расположился — любимое место, — скрывался от зала за квадратной колонной. Из высокого окна справа лился солнечный свет, а за окном зеленели кроны деревьев на Сент-Джеймской площади.

В Лондонскую библиотеку Роланд заходил с особенным удовольствием. Пусть обстановка тут и не радовала глаз, зато имелись хорошие условия для работы; всё здесь дышало историей. Заглядывали сюда и ныне здравствующие поэты и мыслители, посиживали на решетчатых подставках под стеллажами, вели увлекательные споры на лестничных площадках. Тут работал Карлейль, тут бывала Джордж Элиот, поглощавшая книгу за книгой, — Роланд так и видел, как подол её чёрной шёлковой юбки или бархатный трен ползёт по полу между стеллажами с книгами Отцов Церкви, так и слышал, как позвякивают от её твёрдой поступи металлические ступени лесенки у полок с немецкой поэзией. Заходил сюда и Рандольф Генри Падуб, именно здесь отыскивал он пока не осмысленные мелкие факты, которые переполняли его восприимчивый ум и бездонную память, — множество сведений из разделов «История» и «Топография», множество тем из «Естественных наук» и «Разного», составлявших благодаря алфавитному принципу затейливые сочетания: «Дальтонизм», «Денежные системы», «Деторождение», «Дилижансы», «Домашняя прислуга», «Досуг», «Дрессировка», «Дьявол и демонология». А работы по теории эволюции в те годы числились по разделу «Человечество до Адама». Роланд лишь недавно узнал, что в Лондонской библиотеке имеется экземпляр «Оснований новой науки» Вико, принадлежавший некогда Падубу. К сожалению, книги из домашней библиотеки Падуба рассеялись по разным странам Европы и Америки. Самая значительная их часть хранилась, конечно же, в Нью-Мексико, в Стэнтонском собрании Университета Роберта Дэйла Оуэна¹, где работал Мортимер Собрайл, готовивший фундаментальное Полное собрание писем Рандольфа Генри Падуба. Правда, сегодня расстояния не помеха: книги перемещаются в пространстве со скоростью звука и света. Но как знать, не обнаружатся ли в Падубовом экземпляре Вико маргиналии, неизвестные даже дотошному Собрайлу. Очень было бы кстати: Роланд как раз выявлял источники поэмы Падуба «Сад Прозерпины». И какое это будет наслаждение — читать те же самые строки, что когда-то читал Падуб, листать страницы, к которым прикасались его пальцы, по которым пробежали его глаза.

¹ Комментарии к именам собственным, отмеченным *, даны в конце книги в алфавитном порядке. (Здесь и далее *примеч. перев.*)

Сразу было видно, что книгу не доставали уже очень давно — возможно, с тех самых пор, как она обрела покой в библиотечном сейфе. Библиотекарь клетчатой суконкой смахнул с книги пыль — чёрную, густую, въедливую пыль Викторианской эпохи, взвесь из тумана и дыма, успевшую накопиться до принятия законов о чистоте воздуха. Роланд развязал тесьму. Книга сама собой распахнулась, как шкатулка, явив на обозрение разрозненные выцветшие листки бумаги — голубые, желтоватые, серые, испещрённые ржавыми строчками, бурными записями, которые нацарапало стальное перо. Знакомый почерк. У Роланда захватило дух: кажется, заметки о прочитанном, сделанные на обратной стороне старых счетов и писем. Похоже, сказал библиотекарь, к ним никогда не притрагивались. Края листов с записями, выступающие за обрез книги, словно закоптились дочерна и напоминали траурную кайму на извещениях о похоронах. Чернота была отмечена точно по линии обреза.

Роланд спросил, можно ли ему прочесть эти записки. Чтобы у библиотекаря не закралось никаких сомнений, он отрекомендовался: младший научный сотрудник, работает под руководством профессора Аспидса, который с 1951 года редактирует Полное собрание сочинений Падуба. Библиотекарь на цыпочках пошёл звонить начальству, а мёртвые листки по-прежнему чуть заметно шевелились и шуршали, словно после освобождения в них снова затеплилась жизнь. Листки, которые оставил в книге Падуб... Вернувшийся библиотекарь подтвердил: да, Роланду разрешается работать с записями, при условии, что он не нарушит последовательности вложенных листков, чтобы потом можно было составить их опись. И если вдруг Роланд обнаружит что-нибудь важное, пусть сообщит библиотекарю.

Разрешение это было получено к половине одиннадцатого. Следующие полчаса Роланд бессвязно рылся в томе Вико, выискивая упоминания о Прозерпине и одновременно почитывая заметки Падуба. А читать их было нелегко: Падуб делал записи на разных языках, притом крохотными, почти печатными буквами — не сразу заметишь сходство с тем разгонистым почерком, которым были написаны его стихи и письма.

В одиннадцать Роланд наконец отыскал место в книге, которое, кажется, имело отношение к его теме. Вико пытался разглядеть за поэтическими метафорами, легендами и мифами исторические факты и увязать эти образы в одну картину — в этом

и состояла суть его «новой науки». Прозерпина в его понимании олицетворяла зерно хлебных злаков — источник торговли и общественного начала. Рандольф Генри Падуб же, как считалось, выразил в образе Прозерпины религиозные сомнения человека Викторианской эпохи, свои собственные мысли, навеянные мифами о воскресении. На картине лорда Лейтона* Прозерпина — это летящая по чёрному тоннелю золотистая фигура с видимыми признаками душевного смятения. Аспидс полагал, что Падуб видел в ней воплощение самой истории — её начального этапа, который описывается в мифах. (Перу Падуба принадлежали два стихотворения об историках, мало похожих друг на друга: одно о Гиббоне*, другое о Беде Достопочтенном*. Аспидс даже написал статью о Р. Г. Падубе и отражении историографии в его творчестве.)

Сопоставляя текст поэмы Падуба с переводом труда Вико, Роланд делал выписки на каталожных карточках. Перед ним стояли две коробки таких карточек — ярко-оранжевая и густозелёная, травяного оттенка; пластиковые петли карточек своим потрескиванием нарушали тишину читального зала.

Колосья называли золотыми яблоками, и это, вероятно, было единственное известное человечеству золото, ибо о золоте-металле тогда ещё не слышали... Поэтому золотое яблоко, которое Геркулес добыл — или вернул — из сада Гесперид, скорее всего, было не что иное, как зёрна злаков, и у галльского Геркулеса из уст исходят золотые печочки, концы которых прикованы к ушам людей¹, — это, как мы увидим ниже, изображает миф об обработке полей. По этой причине Геркулес считался божеством, благосклонность коего открывала путь к богатству, богом же богатства был Дит (тождественный Плутону), умчавший Прозерпину (она же Церера, или зерно) в подземное царство, описанное поэтами, которые именуют его то Стиксом, то царством мёртвых, то недрами пашни... Это золотое яблоко великий знаток героических преданий древности Вергилий и превратил в золотую ветвь, которую Эней берёт с собою в Подземный мир, или Преисподнюю.

Рандольф Генри Падуб, описывая Прозерпину, отмечает: «полумрак ей кожу позлатил» и называет её «как колос, золо-

¹ Изображение, описанное в сочинении Лукиана «Про Геракла». «Галльский Геркулес» — кельтский бог Огма (Огмий).

тая». А вот ещё: «Окованная звеньями златыми...» — это, наверно, про какие-нибудь ювелирные украшения, цепочки. Роланд аккуратно внёс перекрёстные ссылки в карточки с рубриками «злаки», «яблоки», «цепь», «богатство». Страница тома Вико, на которой он нашёл этот отрывок, была согнута пополам, внутри лежал счёт за свечи. На обороте его Падуб записал: «Личность приходит в мир на короткий миг, вступает в круг людей мыслящих, привносит новое и умирает, но биологический вид продолжает жить и пожинает плоды быстротечного её бытия». Роланд переписал эту фразу, выбрал чистую карточку и набросал вопросы, на которые предстояло найти ответ: «Разобраться. Цитата или собственная мысль? Биологич. вид — Прозерпина? Очень в духе XIX в. Или Прозерпина — личность? Когда оставлены заметки? Когда написаны — до или после „Происхождения видов“? Хотя это ничего не даст. М. б., он думал о Развитии в широком смысле...»

Было уже четверть двенадцатого. Тикали часы, в лучах солнца кружились пылинки, Роланд размышлял о том, что изнурительная и колдовская тяга к познанию влечёт нас по пути, которому нет конца. Он сидел, пытаясь восстановить очертания мыслей, вычитанных давно умершим человеком, а время шло: Роланду напоминали об этом не только библиотечные часы, но и посасывание под ложечкой (кофе в Лондонской библиотеке не продавали). Надо показать эти драгоценные находки Аспидсу. Тот будет то фыркать, то восторгаться, но всё же останется доволен, что книга лежит под замком в сейфе № 5, а не упорхнула, как и многие другие раритеты, в Университет Роберта Дэйла Оуэна в Гармония-Сити. Как же не хочется рассказывать Аспидсу. Вот бы владеть этими сведениями в одиночку.

Упоминание о Прозерпине было на страницах 288–289. А на странице 300 оказались два сложенных листа писчей бумаги. Роланд осторожно развернул их. Он сразу узнал плавный, летящий почерк Падуба. Это были письма, на обоих значился адрес Падуба — Грейт-Рассел-стрит, — оба помечены 21 июня. Год не указан. Оба начинались словами «Милостивая государыня!», оба без подписи. Первое гораздо короче второго.

Милостивая государыня!

Мысли о нашей необычной беседе не покидают меня ни на минуту. Не так часто поэту, а может быть, и всякому смертному

случается встретить собеседника, который соединял бы в себе столько готовности проникнуться чужими мыслями, столько ума и тонкости суждения. Я пишу, испытывая неодолимую потребность продолжить наш разговор, и, не раздумывая, ибо и Вы, как мне показалось, были так же взволнованы этой необычной обращаюсь к Вам с просьбой: могу ли я навестить Вас как-нибудь на будущей неделе? Я чувствую, что мы с Вами непременно должны вернуться к нашей беседе, и уверенность эта не блажь, не самообман. Мне известно, что Вы редко бываете в обществе, и мне удивительно повезло, что любезный Крэбб залучил Вас к себе на завтрак. Какое счастье, что, несмотря на легкомысленное балагурство студиязусов и искусные рассказы Крэбба о примечательных происшествиях — в том числе тот, о бюсте, — нам удалось сказать друг другу так много важного. Вы, без сомнения, разделяете то чувство, которое

Вот что было во втором письме:

Милостивая государыня!

Я то и дело возвращаюсь в мыслях к нашей приятной и неожиданной беседе. Не будет ли у нас возможности возобновить её и поговорить более пространно, в обстановке не столь многолюдной? Мне известно, что Вы редко бываете в обществе, и мне чрезвычайно повезло, что любезный Крэбб залучил Вас к себе на завтрак. Я бесконечно признателен его доброму здравью, благодаря которому он и в восемьдесят два года находит в себе силы и желание поутру угощать поэтов и студентов, профессоров математики и политических философов и с привычным жаром рассказывать историю о бюсте, не задерживая его, однако, появления на столе гренков с маслом.

Не правда ли, удивительно, что мы с полуслова так хорошо поняли друг друга? А ведь мы поняли друг друга на редкость хорошо, Вы согласны? Или это плод разгорячённого воображения не слишком молодого и не слишком признанного поэта, который вдруг обнаружил, что его произведения с их потаённым, изощрённо-внятным и непонятым смыслом — или, скорее, бессмыслицей, раз никто, как видно, не сумел добраться до этого смысла, — нашли наконец наблюдательного и увлечённого читателя и судью? Ваши мысли о монологе Александра Селькирка, Ваше верное постижение мятущейся души моего Джона Беньяна*, Ваше понимание страсти Инес де Кастро...* которая была resurrecta¹ столь чудовищным образом... Но хватит*

¹ Воскрешена (лат.).

этих вздохов большого самолюбия, хватит разглагольствовать о моих personae¹, которые, как Вы справедливо заметили, вовсе не маски, скрывающие лицо автора. Я не хочу, чтобы Вы заключили, будто я ставлю Ваш тонкий слух и ещё более тонкий вкус не выше, а ниже своего. Непременно напишите Вашу историю о фее: Вы сделаете из этого сюжета что-то очень необычное и оригинальное. Кстати, не задумывались ли Вы о взглядах Вико на историю первобытных народов — о том, что боги древности, а позднее герои суть олицетворения судеб и устремлений народа, рождающиеся в уме простого человека? Тут есть над чем поразмыслить: ведь предание о Вашей фее связывают с невымышленными замками и возводят к действительно происходившим преобразованиям в земледелии — на современный взгляд это одна из любопытнейших сторон её истории. Впрочем, я опять за своё: Вы, с Вашим живым умом и приобретёнными вдали от суеты знаниями, без сомнения, сами придумали, как придать своей теме наилучшую отделку.

Возможно, Ваше понимание, как сладостный дурман, вскружило мне голову, но меня не оставляет чувство, что и Вы разделяете моё желание что нам обоим было бы полезно продолжить нашу беседу что нам необходимо увидеться. Я знаю Если я не ошибаюсь, Вы также нашли наше знакомство ~~важным~~ интересным и, как бы ни дорожили Вы своим уединением

Я понимаю, что Вы решились выехать лишь для того, чтобы навестить любезного Крэбба, который в нелёгкое для Вашего отца время поддержал этого блистательного учёного и оценил его труд. Вы выехали потому, что знали: Вас будут принимать в узком приятельском кругу. Всё так, но главное — Вы выехали, а значит, я могу надеяться, что, найдись важная причина, Вы согласитесь на время поступиться обыденным покоем ради

Я убеждён, что вы понимаете

Роланд был потрясён. И сразу же в нём разыграл литературовед. В голове сами собой замелькали предположения о времени и месте этого несостоявшегося диалога с неназванной женщиной. Год в письмах не указан, но они определённо написаны после публикации цикла драматических поэм Падуба «Боги, люди и герои». Поэмы вышли в 1856 году, и критика, вопреки надеждам, а может быть, и расчётам Падуба, отозвалась о них не слишком

¹ Персонажах (лат.).

благожелательно: рецензенты объявили его произведения непонятными, вкус его — извращённым, а персонажей — вычурными и надуманными. В этот цикл и входили «Одинокие думы Александра Селькирка» — размышления моряка, заброшенного на необитаемый остров. Относились к этому циклу и «Лудильщик во пророках» — поэма, в которой воспроизводятся раздумья томящегося в тюрьме Беньяна о благодати Господней, и сцена, происходящая в 1356 году: причудливый, иступлённый монолог Педро Португальского, в котором он признаётся в любви набальзамированному телу своей убитой жены Инес де Кастро, — высохший, обтянутый бурой кожей труп всегда покачивался в карете рядом с королём, куда бы тот ни ехал: на голове — обхваченный золотым обручем кружевной убор, по платью — цепочки с алмазами и жемчугами, костлявые пальцы унизаны редкой красоты перстнями... Падуб охотно изображал героев, близких к безумию или обаянных безумием, создающих из обрывков жизненного опыта мировоззрение, которое помогает им выстоять.

Установить, что это за завтрак, не составит труда, скорее всего — один из приёмов, которые на склоне лет стал устраивать Крэбб Робинсон*, чтобы студенты недавно основанного Лондонского университета могли в застольных беседах расширять свой кругозор. Архив Крэбба Робинсона хранился в Библиотеке доктора Уильямса на Гордон-сквер — здании, задуманном как Университетская ратуша; по замыслу Робинсона тут вольнослушатели получали возможность приобщаться к университетской жизни вне учебных аудиторий. Не так уж трудно — да нет, совсем не трудно справиться в дневнике Робинсона, когда Падуб присутствовал на завтраке в доме 30 на Рассел-сквер в обществе профессора математики, политического философа (не Баджот* ли?) и некой затворницы, которая разбиралась в поэзии и сама писала или имела намерение писать стихи.

Кто же она такая? Кристина Россетти?* Сомнительно. Вряд ли мисс Россетти пришлось бы по вкусу богословские построения Падуба и его взгляды на мужскую и женскую психологию. И что за «история о фее»? От всех этих загадок Роланд уже не в первый раз ощутил своё безграничное невежество: серый туман, а в нём то проплывает, то маячит что-то осязаемое, то блеснут купола, то чернеют в сумраке крыши...

Удалось ли Падубу завязать переписку? Если да, то где остальные письма, какие драгоценные сведения о его произведениях

«с их потаённым, изощрённо-внятным и непонятым смыслом» могут в них содержаться? Не исключено, что, отыщись эти письма, филологам придётся пересмотреть кое-какие устоявшиеся мнения. Ну а если переписка не завязалась? Если Падуб так и не нашёл слов, чтобы выразить своё настойчивое желание? Настойчивость — вот что поразило и взволновало Роланда больше всего. А он-то думал, что знает Падуба неплохо — насколько вообще можно знать человека, замкнувшегося в мире своих мыслей, сорок лет прожившего с женой как примерный семьянин, оставившего после себя гору писем, но писем сдержанно-учтивых, не отмеченных какими-то особыми страстями. И такой Рандольф Генри Падуб Роланду нравился. Его восхищало яростное горение духа и широчайшая эрудиция, заметные в творчестве Падуба, и в глубине души ему было приятно, что эти качества выработались благодаря такому степенному, такому безбурному существованию.

Он перечитал оба черновика. Было ли письмо наконец написано и отправлено? Или первый порыв угас, был отринут? И тут Роланда самого захлестнул странный, неожиданный для него порыв. Нет, не может он оставить эти полные жизни слова в томе Вико, на странице 300, и сдать на хранение в сейф № 5. Он огляделся: никто не видит. Тогда он украдкой сунул письма в книгу, с которой никогда не расставался, — оксфордское издание «Избранного» Падуба — и снова занялся карточками. Он методично выписывал самое интересное, пока на лестнице не послышался звон колокольчика, извещающий о закрытии читального зала. Заработавшись, Роланд даже не выкроил времени перекусить.

Он собрал коробки с карточками, сунул под них «Избранное» и направился к выходу. Дежурные за столиком выдачи книг дружески ему закивали. Роланд был тут завсегдаем. Заподозрить его в порче книг или краже никому и в голову не приходило. Он вышел из библиотеки, как обычно, с толстым обшарпанным портфелем под мышкой. На Пиккадилли сел в двухэтажный автобус № 14 и, прижимая к себе добычу, поднялся наверх. Как всегда по дороге домой — жил он в Патни, в полуподвальном этаже ветшающего дома викторианских времён, — сперва на него напала сонливость, потом она сменилась какой-то лихорадочной ясностью, а там уже подступали тревожные мысли о Вэл.

ГЛАВА 2

Человек — это история его мыслей, дыхания и поступков, телесного состава и душевных ран, любви, равнодушия и неприязни, история его народа и государства, земли, вскормившей и его, и предков его, камней и песчинок знакомых ему краёв, история давно отгремевших битв и душевных борений, улыбок дев и неспешных речений старух, история случайностей и постепенного действия непреложных законов — история этих и многих других обстоятельств, один язычок огня, который во всём живёт по законам целого Пламени, но, вспыхнув единожды, в своё время угаснет и никогда больше не загорится в беспредельных просторах будущего.

Так писал Рандольф Генри Падуб примерно в 1840 году, когда работал над поэмой в двенадцати книгах под названием «Рагнарёк, или Гибель богов», которую одни восприняли как христианский взгляд на скандинавскую мифологию, а другие громили за атеизм и недостойную христианина безысходность. Рандольфу Падубу действительно важно было разобраться, что такое человек, но, вообще-то, он запросто мог бы написать это загромождённое, как мебельный склад, предложение совсем по-другому, заменить слова, сочетания и ритмический рисунок и заключить той же добротной уклончивой метафорой. Так, по крайней мере, казалось Роланду, натасканному по части пост-структуралистской деконструкции сюжета. А вот на вопрос, кто такой Роланд Митчелл, ему бы пришлось ответить иначе.

В 1986 году ему исполнилось двадцать девять. Митчелл окончил лондонский колледж Принца Альберта (1978) и в том же университете получил степень доктора философии (1985). Его докторская диссертация называлась «История, историки и поэзия? Изображение исторических „свидетельств“ в поэмах Рандольфа Генри Падуба». Научным руководителем был Джеймс

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

А. С. БАЙЕТТ

ОБЛАДАТЬ

Романтический роман

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Корректоры Светлана Федорова, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 30.04.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-41153-01-R